

Знаменосец поколений

К 80-летию со дня рождения Николая Островского

На стендах московского Музея-квартиры Николая Островского, посвященных «людям корчагинской судьбы», можно увидеть широко известную повесть Владислава Титова «Всем смертям назло...» Соседство этой автобиографической книги с многоязычными отечественными и зарубежными изданиями романов «Как закалялась сталь» и «Рожденные бурей» невольно сблизило в памяти два факта из биографии Островского и Титова.

В пору, когда Павка Корчагин начал входить в сознание миллионов читателей, один иностранный корреспондент специально приезжал к Островскому, чтобы удостовериться, действительно ли такой человек и писатель, многие годы обреченный на неподвижность и слепоту, существует или это «большевистский миф».

Когда молодой горный мастер Титов, предотвратив взрыв на шахте, остался без обеих рук и написал зажатый в зубах карандашом исполненную оптимизма и любви к людям повесть о двадцатипятилетнем шахтере Сергее Петрове, наделив его чертами своей личности и биографии, жилец Нью-Йорка направил на имя автора книги письмо «в полной уверенности», что такого человека и писателя «не существует на свете». Он полагал, что рассказанное в повести — «это очередная «утка» коммунистов, допинг для обездоленной молодежи».

Что ж, нам не в новинку подобные мотивы. Многие из того, чем жив мир социализма, что составляет его социальное первородство, никак не укладывается в сознании тех, кто возрос в «царстве желтого дьявола», где каждый сам за себя, где человек, как правило, остается один на один со своей бедой. Забавно, правда, слышать слова об «обездоленности» молодых соотечественников Островского и Титова от представителя капиталистической державы, где миллионы юношей и девушек обездолены в главном — лишены возможности получить работу, найти применение своим молодым силам. Людям, запертым империалистической пропагандой, трудно понять, что главный «допинг» для таких людей, как Островский или «корчагинец» Титов, главный источник героизма и мужества строителей нового мира — это одухотворяющая власть великой коммунистической идеи, советский образ жизни, где торжествуют трудовое братство и товарищеская взаимопомощь, исповедуется принцип «чужого горя не бывает».

Мы привыкли к массовому героизму советских людей. «В нашей стране быть героем — святая обязанность» — так считал Николай Островский. Но стать знаменосцем поколений — удел особый. Он выпал на долю автора и героя романа «Как закалялась сталь». Литератор, близко знавший Островского, заметил, что совершенное им — это подвиг, которому трудно найти подходящий эпитет, потому что он беспримерен. Беспримерен даже и по нашим советским меркам. И не стоит, пожалуй, подозревать в злокозненности рецензента столичного издательства, который, одним из первых столкнувшись с рукописью дотоле неизвестного автора, пришел к заключению: «выведенные типы нереальны». Приговор этот, к счастью, не помешал Павке Корчагину и его друзьям-комсомольцам выйти в 1932 году на страницы журнала «Молодая гвардия».

Как видим, не без основания Островский в ходе работы над романом «Как закалялась сталь» опасался, что найдутся люди, которые будут считать, что в живом описании драмы Корчагина автор «переборщил». Потому-то не все из того непомерно тяжкого, через что прошел сам писатель, было «включено» им в образ Павки, хотя последний и «написан с натуры».

Нарушающая все привычные представления о человеческих возможностях судьба Николая Островского лишней раз напоминает о том, что в своих проявлениях живая действительность — в отличие от творческой фантазии художника-реалиста — ничуть не заботится о правдоподобии. В жизни от-

дельного человека, говорил писатель, может быть всякое, но Корчагин должен нести в себе типические черты комсомольцев 20-х годов, того поколения, к которому принадлежал сам автор романа.

Уже в ту пору, когда «Как закалялась сталь» только начинала свой путь к читателю, когда ее стихийно начали «прорабатывать» в комсомольских ячейках и к автору хлынул первый поток взволнованных и благодарных писем, уже тогда становилось ясно, что эта книга больше, чем факт литературы. Больше, чем яркий документ своего времени. Ей суждено было занять совершенно особое место в духовной жизни общества, стать своеобразной «энциклопедией для молодежи», «учебником классовой борьбы», а ее герою — подлинным властителем дум поколений.

Всем своим пафосом, всем строем образов, каждой клеточкой своей художественной плоти связанная с породившей ее эпохой, книга о Корчагине поднялась над быстротечем времени и предстала взору как явление глубоко общечеловеческое. Истоки этой общечеловечности, всеветной известности романа «Как закалялась сталь» не только в том, что на его страницах поставлены «вечные» вопросы о жизни и смерти, о смысле и цели жизни, но и в том, что идеалы, которые безраздельно владеют сердцем его героя, идеалы, во имя торжества которых он сжег всего себя без остатка, — это идеалы борьбы за счастье всего человечества, за его светлое будущее, идеалы Октября.

Грозное время, бросившее Корчагина в вихрь буденновских атак, под бандитские и кулацкие пули, в накаленную атмосферу схваток с внутрипартийной оппозицией, на борьбу с послевоенной разрухой, время, испытывавшее его на прочность холодом и голо-

дом, тифом, а потом слепотой и полной неподвижностью, — это огненное время вычеканило в нем свои неповторимо прекрасные черты, одарило бесмертием.

Сын кухарки, прошедший через горнило величайшей из революций, раз и навсегда уверовавший в правоту ленинского дела, познавший ни с чем не сравнимую радость творческого художественного труда, Николай Островский раскрыл нам, по словам болгарского писателя Людмила Стоянова, «тайну нашей силы». В судьбе автора «Как закалялась сталь» и «Рожденные бурей», в образе Павки Корчагина героическое начало явило себя с такой необыкновенной мощью, в ореоле такой чистоты и одухотворенности, что дало не только литературе, но и обществу как бы новый масштаб для измерения духовных параметров личности, развило шкалу нравственных ценностей человечества. Подчеркивая непреходящее значение «Как закалялась сталь», английский писатель Джек Линдсей сказал: «Эта книга заставляет гордиться званием человека».

Она стала спутником жизни миллионов. Ее читали вслух в перерывах между боями бойцы и партизаны Великой Отечественной войны, в ней черпали силы для сопротивления узники фашистских тюрем и концлагерей. Ее запрещали, вносили в «черные списки» антидемократические режимы в разных странах, а она делала свое дело. Книга-воин, книга-солдат.

В мировой литературе мы не встретим, вероятно, более страстной и неотразимо дей-

ственной проповеди (не побоимся этого слова!) оптимизма, чем та, что звучит со страниц романа «Как закалялась сталь». Книга о Павле Корчагине как нельзя лучше воплощает в себе ту философию исторического оптимизма, которая взята на вооружение нашим обществом, обществом развитого социализма.

А целый том писем Островского! Это поразительные по своей человеческой сути, нравственному заряду документы, подлинная школа жизнелюбия и жизнестойкости. Их значение не в том, что они открывают нам автора «Как закалялась сталь» с какой-то нежданной «домашней» стороны. В них нет пищи для суежного любопытства обывателя, радующегося любым свидетельствам мнимости человеческого величия. Эти письма — неопровержимое доказательство духовной слитности писателя и его героя. Читая их, испытываешь преклонение перед беспредельностью духовных и нравственных сил человека-борца, который, отринув страх смерти, сумел не только жить, когда жизнь стала невыносимой, но и сделать эту жизнь полезной для народа, для страны.

Во всех проявлениях своей личности Островский оставался человеком монолитно цельным, не знавшим разлада между словом и делом. Невозможно представить, чтобы он в личном обиходе позволил себе сознательно пренебречь теми моральными нормами, которые страстно утверждал своей книгой, всей линией поведения ее главного героя — человека новой эры.

Островский, которого Ромен Роллан назвал «неугасимым факелом действия», органически презирал нытиков, людей внутренне размагниченных, выпадающих при первых ударах судьбы в истерику. В одном из писем он писал: «Никогда ни Корчагин, ни Островский не жаловались на свою судьбу, не скулили...» И это была правда. Вконец истерзанный недугом, «физически разгромленный», писатель находил в себе силы проявлять заботу о своих домашних, подбадривать их в трудные для них минуты. Знакомые и незнакомые люди писали ему о своих горестях и неудачах, об измене вчерашних друзей, о крахе надежд на личное счастье и т. п. Откликаясь на эти сигналы чужой беды, Островский не утешал, не искал сладеньких слов, он учил мужеству. Он заражал своей верой в красоту и мудрость жизни, убежденно говорил о том, как важно каждому иметь перед собой возвышенную цель, ради которой стоит жить и бороться. Как нечто глубоко выстраданное звучат его слова: если «личное в человеке занимает огромное место, а общественное — крошечное, тогда разгром личной жизни — почти катастрофа. Тогда у человека встает вопрос: зачем жить? Этот вопрос никогда не встанет перед бойцом».

В творческой позиции Островского нам, помимо всего прочего, важна и та нравственно-этическая высота, с которой он рассматривал сущность и значение литературного дела, общественную миссию художника. Создатель Павки Корчагина был убежден, что каждый писатель «должен учить не только своим словом, но и всей своей жизнью, поведением». Ему глубоко претили «писательские склоки», неискренности во взаимоотношениях собратьев по перу, боязнь обидеть товарища нелицеприятным словом, склонность к взаимному захваливанию. Бесстрашный во всем, что касалось его личной судьбы, Островский требовал от друзей-писателей «открыть большевистский обстрел» написанного им. Он настойчиво повторял: «Для меня всегда самая горькая правда лучше сладкой неправды». Побольше бы нам авторов, молодых и маститых, сделавших подобное отношение к критике нормой своей жизни в искусстве!

...Иные слова и понятия — словно сгусток времени. Они выражают его суть с четкостью эмблемы. По-утреннему звонкая пора первых пятилеток, чьи запевалы и подвигники прищипывали историю кличем

«Время, вперед!», главнейшей своей гранью отлилась в слове «стахановец». За ним — дерзкий прорыв пределов привычного, штурм рекордов, жажда свободного труженика явить всю мощь своих духовных и физических возможностей. И с какой органичностью «вписывается» в эту взвихренную, пронизанную энергией созидания атмосферу тридцатых годов фигура Николая Островского — первого стахановца в литературе, как назвал его один из друзей. Жизнь писателя на излете, истаявают последние силы, а он с улыбкой говорит, что намерен «побить рекорд долголетия». Он ликует, слушая сообщения об успехах стахановцев, их ударных вахтах. И сам работает «по три смены», чтобы к обещанному сроку завершить «политический», «антифашистский» роман «Рожденные бурей». Всем своим существом Островский чувствует неотвратимость надвигающегося столкновения двух миров и стремится внести свою творческую лепту в то, чтобы молодое поколение лучше «знало лицо врага». Важно как можно скорее вложить в руки тех, кто примет на себя удар фашистских полчищ, идейное оружие, откованное талантом писателя-бойца. Увы, роман остался незавершенным...

Как братьев по духу и классу, стахановцев надежно подпирало своим плечом юное племя корчагинцев, наследников героического подвига строителей узкоколейки на Боярке — этой неуязвимой легенды поколений. Павку и его друзей, работавших в нечеловечески трудных условиях, вела за собой железная необходимость, о которой хорошо сказал старый большевик Токкарев: построить дорогу нельзя, но и не построить нельзя. Тут на карту была поставлена жизнь сотен тысяч людей...

Как знак преемственности подвига творцов социалистической нови звучат в «Записках» молодого строителя Байкало-Амурской магистрали слова о необходимости «достойно пронести эстафету мужества строителей легендарной Боярки». На БАМе и других крупных стройках есть бригады, которые считают Николая Островского членом своего коллектива и выполняют его норму. Корчагинцы наших дней — это многотысячная рать юношей и девушек, которые по примеру комсомольцев первого призыва признают для себя только одну привилегию — быть там, где всего труднее. Как и прежде, боевым девизом остаются для них слова Островского: «Только вперед! Только на линию огня!» Движение корчагинцев давно уже перешагнуло границы нашей страны, стало явлением интернациональным.

Сколько их, в чьей судьбе в разные годы и десятилетия отзывались неистребимое жизнелюбие Островского и Корчагина, их бесстрашие перед лицом смерти, ненависть к фашизму!

Югославским партизанам, особо отличившимся в боях с гитлеровцами, присваивали вторую фамилию — Корчагин — и вручали книгу «Как закалялась сталь».

На черном мраморе памятника, что высится над могилой Зои Космодемьянской, высечены слова, ставшие завещанием Николая Островского поколениям: «Самое дорогое у человека — это жизнь. Она дается ему один раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жег позор за подленькое и мелочное прошлое и чтобы, умирая, смог сказать: вся жизнь и все силы были отданы самому прекрасному в мире — борьбе за освобождение человечества». Эти слова, отразившие чувства и мысли Корчагина над братской могилой павших товарищей, крылатые слова, которые Зоя, подобно тысячам ее сверстников и сверстниц, как заповедь, внесла в свою записную книжку, стали формулой ее короткой и славленной жизни. Они воспроизводились на листовках военных лет, были отпечатаны и на обложке билета Коммунистического союза молодежи Англии.

Уроки мужества и стойкости, преподанные Николаем Островским на примере собственной жизни, судьбой Павки Корчагина, обнаруживают неуывающую власть над умами и сердцами миллионов, помогая людям не падать на колени перед бедой, оставаться при любых невзгодах в строю бойцов. Они, эти уроки, адресованы векам, ибо в жизни, говоря словами Горького, всегда есть и будет место подвигу.

Н. ПОТАПОВ.